

— Если тебе так хочется это понимать, то пожалуйста.

Чжудуцзи протянула руку и опустила рукава.

Цзян Цзибэй счел эту сцену довольно забавной.

Он издал тихий смешок, но объясняться не стал.

Неизвестно почему, но взгляд Гу Чи был каким-то сложным.

Цзян Цзибэй заметил в его руках пачку сигарет и зажигалку и спросил:

— Ты чего вышел?

— Вышел покурить, — Гу Чи слегка потряс пачкой.

— Покурить? — Цзян Цзибэй говорил негромко, медленно и размеренно. — Курить вредно.

— Ты еще имеешь наглость поучать других? — Чжудуцзи усмехнулась, с непринужденной фамильярностью насмехаясь над ним.

Услышав тон Чжудуцзи, Гу Чи бросил на нее взгляд, затем опустил голову и вытащил из пачки сигарету:

— Ладно. Делайте что хотите.

Сказав это, он, зажав сигарету в зубах, вошел в туалет, не включая свет.

Вскоре послышался легкий щелчок закрывающейся двери.

В темной гостиной снова остались только Цзян Цзибэй и Чжудуцзи.

— В его глазах полно враждебности, — Чжудуцзи повернулась к Цзян Цзибэю. — Он положил глаз на тебя или на меня?

— Возможно, на обоих сразу, — ответил Цзян Цзибэй.

— ...

— Я нашел это сегодня днем в ящике парты, — Цзян Цзибэй перестал шутить и протянул Чжудуцзи грамоту. — Это Толстяк порвал.

Чжудуцзи взяла грамоту и опустила глаза, при свете уличного фонаря за окном внимательно вчитываясь в текст.

Это была почетная грамота за победу в школьном конкурсе рисунков, где Хуан Цзе заняла первое место.

Непонятно, как обрывки этой грамоты оказались в ящике Цзян Цзибэя.

Он одолжил клейкую ленту, восстановил документ, после чего в классе активировалась вторая часть подсказок, связанных с Хуан Цзе — сама грамота.

В воспоминаниях Цзян Цзибэй увидел, как Хуан Цзе записалась на школьный конкурс рисунков.

Ее работа вместе с другими рисунками победителей была вывешена на школьном стенде как образец мастерства, а рядом красовалась табличка за первое место.

Однако на утренней линейке в понедельник в списке победителей, оглашенном руководством школы, имени Хуан Цзе не оказалось.

Помимо Хуан Цзе, все остальные участники из класса получили свои грамоты.

Хуан Цзе, разумеется, побоялась спросить об этом учителя Бая.

Было видно, что учитель Бай не любит эту ученицу, а сама Хуан Цзе очень его боится.

Что еще печальнее, рисунки провисели на стенде совсем недолго.

На третий день после вывешивания группа мальчишек во главе с Толстяком из хулиганских побуждений разорвала их, и они превратились в мусор в корзине.

— Этот Толстяк просто мерзавец, почему учитель не примет меры? — дослушав воспоминание, Чжудуцзи нахмурилась. — Когда я училась в школе, у нас в классе не было таких отвратительных людей.

Ты еще не видела вещей похуже, подумал про себя Цзян Цзибэй и спросил:

— Что насчет табеля успеваемости?

— В ее табеле есть следы исправлений, — Чжудуцзи отложила грамоту, взяла табель и указала на графу математики. — И, что самое интересное, это тоже связано с Толстяком.

Цзян Цзибэй взял табель.

Это была классная ведомость, где оценка Хуан Цзе по математике была исправлена черной гелевой ручкой: 72 балла превратились в 92.

Исправление было выполнено крайне неумело, бросалось в глаза с первого взгляда.

— В воспоминаниях, которые я видела, мать Хуан Цзе обещала ей, что если та наберет по математике 90 баллов, то получит в подарок умные часы. Но Хуан Цзе набрала только 72, — сказала Чжудуцзи.

— И поэтому она исправила оценку? — Цзян Цзибэй поднял взгляд и перевел его с табеля на лицо Чжудуцзи.

Эта Хуан Цзе выглядела не очень сообразительной. В конце концов, табель был распечатан типографским способом, а она решила исправить его обычной черной ручкой.

— Да, и когда она исправляла оценку, ее случайно увидел Толстяк. Он, не обращая внимания на ее мольбы, тут же доложил учителю Баю. Учитель Бай позвонил родителям Хуан Цзе, велел им прийти в школу и при всех разоблачил ложь девочки.

— Тогда... — Цзян Цзибэй мог предугадать, что произошло дальше.

Чжудуцзи кивнула:

— Родители Хуан Цзе тут же сбили ее с ног и жестоко избили.

— Хуан Цзе хотела не умные часы, она просто не хотела, чтобы ее ругали. Ее родители были слишком заняты заработком, чтобы заниматься дочерью, поэтому и отдали ее жить к учителю. А если и воспитывали, то только грубыми побоями и криками, — добавила она.

Цзян Цзибэй вздохнул:

— Судя по текущим подсказкам, все указывает на Толстяка. Он, должно быть, тот, кого Хуан Цзе ненавидит больше всего.

— А какие отношения у тебя с Хуан Цзе? — спросила Чжудуцзи. — Мой персонаж, кажется, участвовал в травле. Если память не изменяет, я была в компании Толстяка, мы часто

проводили время вместе.

Часто вместе травили Хуан Цзе.

— Я пока не вспомнил, — Цзян Цзибэй покачал головой. — Кто еще был в этой компании, кроме тебя и Толстяка?

— Линь Лили, Чжао Юй, Сяо Жэнь и Ли Тан, — перечислила Чжудуцзи. — Кроме Ли Тана, все остальные жили у учителя Бая.

Странно, что там нет Чжоу Со и Гу Чи.

Цзян Цзибэй задумчиво посмотрел в сторону туалета и произнес:

— У Гу Чи точно была с ней какая-то связь.

— Очевидно, Хуан Цзе была в него тайно влюблена, — Чжудуцзи проследила за его взглядом в сторону закрытой двери.

Она помолчала и вдруг спросила:

— Цзи-гэ, а что ты знаешь о Гу Чи?

— Он сказал, что его зовут К, он безработный и крутится на черном рынке.

— К? Это настоящее имя? — Чжудуцзи выразила сомнение. — Разве бывают такие имена?

Цзян Цзибэй парировал:

— А разве бывают имена вроде Чжудуцзи?

Чжудуцзи осеклась:

— ...

В этот момент Цзян Цзибэй внезапно заметил, что дверь туалета бесшумно приоткрылась изнутри.

Вышел Гу Чи, остановился в нескольких метрах от них, посмотрел на них и понизил голос:

— Поговорили?

— Почти, — кивнул Цзян Цзибэй. — Что случилось?

— Я кое-что увидел в туалете.

— Что именно?

— Идите за мной.

Гу Чи развернулся и пошел прочь. Цзян Цзибэй и Чжудуцзи переглянулись и последовали за ним.

Гу Чи остановился у входа в туалет и протянул руку к выключателю.

В помещении внезапно вспыхнул свет.

Цзян Цзибэй встал рядом с Гу Чи и заглянул внутрь.

В мертвенно-бледном свете на стене проступила огромная, кроваво-красная улыбка, а красная жидкость стекала по кафелю на пол.

В тесном пространстве распространился густой запах сырого мяса.

На этот раз это была настоящая кровь.

Цзян Цзибэй посмотрел на эту улыбку, несколько секунд размышлял, а затем спросил:

— Кто сегодня вечером последним заходил в туалет в женском общежитии?

Чжудуцзи призадумалась:

— Должно быть, Линь Лили, она мылась последней.

— Пока мы были снаружи, кто-то еще заходил в туалет? — продолжил Цзян Цзибэй.

— В нашей комнате — нет, — покачала головой Чжудуцзи.

— У нас тоже нет, — сказал Гу Чи.

Все трое молча, с каким-то негласным согласием уставились на кровавый след на стене.

Спустя некоторое время Чжудуцзи спросила:

— Нужно стереть?

— Оставьте, — ответил Цзян Цзибэй. — Идите спать.

Он хотел посмотреть, исчезнет ли это само собой после этой ночи.

Гу Чи не стал спрашивать зачем, он просто закрыл дверь туалета и выключил свет.

Они разошлись в гостиной и, подобно призракам, бесшумно вернулись в свои комнаты.

В мужском общежитии гремел храп.

Толстяк не только храпел, но и скрипел зубами, словно кто-то пилой перепиливал кости.

Цзян Цзибэй вскарабкался по лестнице на кровать и залез под одеяло.

Он подоткнул края, его красивые глаза отрешенно уставились в потолок, и вдруг он тихо позвал:

— Гу Чи.

Помолчав, он поправился:

— ...Спокойной ночи, К.

Гу Чи, лежавший на нижней койке, промолчал.

Когда Цзян Цзибэй уже решил, что тот не ответит, снизу внезапно донесся голос:

— Спокойной ночи.

<http://bllate.org/book/21804/2256560>